Г.Х.Азашиков,
кандидат исторических наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБКУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Важнейшей характеристикой современных политических процессов является утверждение «нового регионализма» как многообразия систем политики и культуры на мезоуровне. Феномен региональной политической культуры как часть системы более высокого порядка представляет собой структурно сложное многоуровневое и многоаспектное образование. Ее основная функция – воспроизводство политической жизни региона, обеспечение преемственности политического процесса на местах.

В современной России региональные политические культуры, аккумулирующие исторический опыт территорий, во многом определяют их политический облик. Юг России с его уникальным геополитическим положением, особым историко-политическим опытом и социокультурным своеобразием демонстрирует одну из самых ярких региональных политических культур нашей страны.

Особое значение в этом контексте имеет геополитическое положение. Характерной чертой Юга России было и остается смежное территориальное расположение с комплексом народов Северного Кавказа, более широко – со странами Средиземноморья, а в историческом ракурсе – с Турцией. Несмотря на то что после распада СССР пограничными стали большинство регионов России (ранее 29, сегодня 46), Юг сохраняет среди них специфическое значение: военно-политические, экономические, внешнеполитические, экологические интересы России здесь имеют непреходящее жизненное значение для страны.

Эта специфика «новой старой» роли Юга[1] как пограничного края находит отражение в переплетении двух тенденций, проявившихся еще со времени появления первых русских переселенцев. С одной стороны, здесь сильны «охранительные», «державные» ориентации. В массовом сознании глубоко укоренен миф границы, ставшей почти сак-

[1] См.: *Колосов В.А., Криндач А.Д.* Тенденции постсоветского развития сознания и политическая культура Юга России // Полис. 1994. № 4. С. 123.

ральным понятием, что нашло отражение в казачьем фольклоре. С другой – именно рубежное положение сделало Юг зоной контакта цивилизаций и культур, обусловило такие черты региональной общности, как терпимость, адаптивность, восприимчивость к чужому опыту.

В 1990-е гг. в силу изменения политического статуса Юга России после распада СССР, складывания новой политической системы, в том числе федеративного устройства, развития плюрализма и многопартийности произошли коренные изменения системообразующих факторов политической культуры в регионе. Транзитному периоду обычно соответствует фрагментарная политическая культура. Одна из черт такой культуры, как показывают западные исследования, преобладание локальной политической лояльности над национальной[1]. В региональных политических субкультурах (городской и сельской, молодежной и возрастной и т.п.) складывается своя иерархия ценностей, определяющая особенности политического сознания и поведения этих групп. Если оценивать региональную политическую культуру Юга России по шкале «преемственность – новаторство», то очевидно доминирование элементов преемственности. Выраженными характеристиками этой культуры является традиционализм и государственнические ориентации.

Традиционализм проявляется в общинности мировосприятия «южан», в глубоком уважении к интересам и правилам общества. В духе старых традиций население восприняло тягу скорее к свободе «от», а не «для»: 83,7% ставропольцев предпочитают трактовку свободы как возможность быть себе хозяином, и только 16,4% отстаивали либеральную идею личной свободы при условии принятия на себя персональной ответственности[2].

На юге шире, чем где-либо в России, распространено понимание справедливости как уравнительности (30% опрошенных). В основе консерватизма южного образца лежат такие ценности традиционного типа, как коллективизм, честный труд, целомудрие. 55,3% населения региона считают, что у России свой, особый путь развития. Юг России выступает за «порядок», за сильное государство. По данным службы «Мониторинг», приоритеты у казачьего и неказачьего населения общие: порядок, социальная защита, целостность России. Такая ценность, как «права человека», у неказаков на третьем месте, у казаков – на пятом[3].

---

[1] *Rosenbaum W.* Political Culture. N.Y., 1975. P. 37.

[2] См.: *Давыдова Н.М.* Региональная специфика сознания россиян // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 21.

[3] Современное донское казачество (политический, социальный, экономический портрет). Ростов н/Д, 1992. С. 10.

В силу геополитического положения Юга его жители испытывают потребность в стабильности. Они не отличаются особой чувствительностью к новым веяниям из столицы и обеспечивают поддержку «партии порядка». Так, в марте 1991 г. за введение президентства в России на Юге высказалось существенно меньше избирателей, а сохранение СССР одобрило гораздо больше, чем в среднем по стране[1].

Традиционный южнороссийский регионализм парадоксальным образом усиливает кризисное состояние как регионального социума, так и страны в целом. Ситуацию можно назвать «двойным пограничьем»: пограничье геополитическое и пограничье психологическое (кризис идентичности) обусловливают рост регионалистских настроений. Но южнороссийский регионализм пока не обладает значительным сепаратистским потенциалом. Лишь 3,7% респондентов поддержали идею Донской казачьей республики как самостоятельного независимого государства[2]; а в Краснодарском крае лишь 8% согласились с мнением, что для развития «местного» народа необходимо образовать республику в составе России[3].

Регионалистские настроения поддерживаются исторически сложившимися мифами о «счастливом Юге», мессианском предназначении казачества, его «особом», «третьем» пути, что создает в массовом сознании основу для поддержки «третьей силы» в политическом противостоянии демократических и коммунистических оппонентов в России. Доля голосов, отданных южанами за А.Лебедя на президентских выборах в 1996 г. (20,4% в Ростовской области; 21,4% в Новочеркасске; 25% в Геленджике; 32,7% в Шахтах), в 1,4 раза выше, чем в среднем по России – 14,5%.

Традиционной является установка на сильного лидера, причем в его харизматический образ могут входить один или сочетание доминирующих архетипов: «отец», «хозяин», «герой», «борец». Выбор архетипа или их иерархий определяется как господствующими на данный момент массовыми настроениями, так и характером избирательной кампании. В губернаторской кампании 1996 г. образ Н.Кондратенко складывался на базе архетипа «отец». Не случайным стало и утвердившееся обращение к нему «Батько». Отец – защитник своих детей, в данном случае – региональной общности, земляков-кубанцев.

---

[1] См.: *Колосов В.А., Криндач А.Д.* Тенденции постсоветского развития сознания и политическая культура Юга России. С. 123.

[2] Современное донское казачество (политический, социальный, экономический портрет). Ростов н/Д, 1992. С. 16.

[3] Чеченский кризис в массовом сознании Северного Кавказа: Экспресс-отчет о результатах прикладного этносоциологического исследования. Краснодар, 1995. С. 16.

Политическая культура Юга России представляет собой систему политических культур основных социальных групп, составляющих региональное сообщество – казачества, молодежи, мигрантов-переселенцев, коренных народов Северного Кавказа. Остановимся подробнее на анализе политической культуры последней из названных групп, в частности, адыгов.

Западные исследователи, путешествовавшие по Черкесии в XIX в., оставили бесценные свидетельства о политической культуре жителей этого края. О характере общественного управления и самоуправления у адыгов-черкесов можно судить по воспоминаниям англичанина Э.Спенсера: «…когда мы достигли резиденции князя, мы были окружены не менее чем тысячью вооруженными мужчинами… Вид такого множества свирепых вооруженных мужчин, не поддающихся контролю полиции, солдат или другой системы цивилизованных наций, был, действительно, новым, и у иностранца были основания испытывать страхи за его личную безопасность, воображая, что он попал в руки шайки бандитов…

Напрасно я искал среди толпы глаза какого-то начальника, чье присутствие сдерживало жестокость воинов вокруг меня; никого не смог я обнаружить: они все казались из одинакового рода, одного ранга, и даже, за исключением их бурной радости, громкого крика и пения воинственных песен, их упорядоченное поведение не уступало никакой группе людей, даже в самой дисциплинированной стране деспотической власти в Европе».

Французский военный советник был в Черкесии в трагическое время завершения Кавказской войны. Он обратил внимание на общественное устройство адыгов. Вот его свидетельство об атмосфере, царившей во время работы высшего законодательного органа – «Хасэ»: «Ораторы сменяются, собрание волнуется, подымаются разные вопросы, возбуждаются споры. Нам приходит мысль, что прениям этим никогда не будет конца, как вдруг, как бы по мановению жезла, снова восстанавливается мертвая тишина. Эта сцена повторяется несколько раз, и, таким образом, в продолжение двух часов мы были свидетелями, так сказать, натурального парламентаризма».

Этот народный парламент воплощал и демократию, и централизм. «Эти митинги, – продолжает автор, – представляют собой единственную власть в стране, потому что начальники, хотя вообще и очень уважаемые, не имеют, однако, никаких прав. Все свободные черкесы, богатые и бедные, равноправны и одинаково подчиняются постановлениям и решениям народных собраний».

О развитии демократических тенденций у адыго-черкесов говорил русский этнограф Л.Я.Люлье: «С ослаблением влияния дворян в

народе стали появляться мысли о свободе и независимости. Народ стал неравнодушно смотреть на преимущества дворян, которыми последние гордились, почитая их единственным оплотом против водворяющегося нового порядка. Из этого возникало безначалие со всеми его последствиями. Надобно было приискать средства к водворению порядка. Для изыскания таких средств стали созывать народные собрания – аристократическое и демократическое. Последнее, по большинству своему, одерживало перевес над первым… Аристократия должна была уступить демократии.

Надо, однако, заметить, что во время этих смут ни один дворянин не сделался жертвою вражды простолюдинов; были даже примеры брачных союзов дворян с простолюдинами, однако ни одна дворянка не вышла замуж за простолюдина»[1].

В XIX в. политическая культура адыгов переживала сильнейшее влияние извне: с одной стороны, Турции, с другой – России, влияние которой в силу известных исторических причин впоследствии стало определяющим. Часто встречающиеся в источниках того периода иноязычные понятия из политической лексики («мехкеме», «меджлис», «наиб», «мухтар», «муртазак» и др.) создают обманчивое впечатление массового заимствования политических структур. Однако в ряде случаев можно говорить о восприятии только самих терминов из арабо-мусульманской культуры по соображениям престижности, но не самих обозначаемых ими явлений или объектов, многие из которых издавна существовали у адыгов. Примером может служить, по словам Хан-Гирея, случай, когда Хаджи-Хасан «именовал старших князей (пщышхо) валиями». Следует также учесть, что вся переписка, в том числе осевшая в современных архивах, велась на турецком или арабском языке, что и создает иллюзию функционирования соответствующего терминологического аппарата в адыгской среде.

Комплекс политических представлений и властных институтов, свойственный адыгам, в течение XIX – XX вв. претерпел значительные изменения, которые были следствиями как внутренней эволюции, так и сложного процесса отношений традиционной политической культуры с иноязычными воздействиями.

Основные характеристики политической культуры сегодняшней Адыгеи совпадают с политической культурой, свойственной большинству жителей Юга России. Адыгея – республика в составе Российской Федерации, имеющая своего президента, вице-президента, пре-

---

[1] *Люлье Л.Я.* Черкесия: Историко-этнографический очерк. Северо-Кавказский филиал МЦТК «Возрождение», 1990. С. 21 – 22.

мьер-министра, двухпалатный законодательный орган (Государственный совет-Хасэ).

Мир и стабильность в республике во многом обеспечивается национальным составом избранных органов государственной власти, органов местного самоуправления. В Государственном совете-Хасэ Республики Адыгея адыги составляют 40%, в городском и районном собраниях – 42,6%, в представительных органах местного самоуправления – 39,5%, среди глав администраций города и районов – 37,5%.

Адыгея – многонациональная республика. Поэтому важной частью политической культуры является стремление к возрождению и всестороннему развитию национального самосознания, культуры, традиций, к объективному изучению исторического прошлого всех народов, проживающих в Адыгее. В этих целях в республике созданы национально-культурные общества адыгов, славян, армян, греков, немцев, татар, деятельность которых поощряется органами государственной власти республики.